

Кинчев правда - 1993 - бавг. - с. 8

«Прачечная, прополоскай меня...»

В этой книжке Кинчев покрасивше, чем в жизни

Когда-то у меня была идея, оставшаяся, к несчастью, несущественной, — критически судить о произведениях только по эпиграфам к ним. Они иногда выявляют стремления автора отчетливей, чем, вероятно, ему бы хотелось.

В случае с первой книжкой из серии «Звезды рок-н-ролла», вышедшей в Питере в издательстве Александра Житинского (подпольная кличка «рок-дилетант»), подобный подход вполне оправдан, ибо эпиграфов к ней целых три. Ну-ка гадайте: в какую сторону могут направить раскаты о Константине Кинчеве цитаты из Апокалипсиса, Есенина и Достоевского? Вот-вот, христианство, русская душа нараспашку, проклятые вопросы бытия, какой же русский не любит, я пропился в дым и тому подобное. Надо ли объяснять, что реального Кинчева, проживающего по адресу такому-то, разговор не касается. Мы лишь обсуждаем получившийся литературный образ с похожим именем.

«Нам надо торопиться с нашей

радостью и любовью. Потому что уже сбываются пророчества, и вплотную подступили к нам апокалиптические времена... В такие дни, пока не поздно, обратим наши благодарные очи к тем, кто...», патетически восклицает автор прижизненных воспоминаний о лидере «Алисы» Нина Барановская.

Подготовная Кинчева выглядит странно и состоит из двух его повторяющихся фраз: «Прачечная, прополоскай меня... ну, пожалуйста, прачечная...» и «А рабом я никогда не буду, даже рабом Божиим». Последнему утверждению Нина Барановская не перестает умиляться: ах, какой он сильный духом. В итоге на равномерном чередовании двух высказываний хотя бы построить образ одного из наиболее интересных сегодняшних поэтов (такой отзыв о Кинчеве в книге приписывается Анатолию Найману). Затоптав свои сомнения, замечу: по сути, в книжке о Кинчеве самого Константина Евгеньевича практически не видно. Причины тому две.

Одна — объективная: видимо,

Константин не так прост, поэтому приходится обручать ему руки, ноги, лишь бы втиснуть в заготовленную авторскую конструкцию. Субъективная причина: Кинчева из текста вытесняет настойчивое желание Нины Барановской поведать читателям о более интересной теме: взаимоотношениях ее и лидера «Алисы», а также о том, как она боролась в застойные годы за свое «право на рок». Долгие страницы посвящает Барановская описанию своей журналистской деятельности, причинам увольнения, устройству гастролей, битвам с бюрократами и т. п.

Больше всего меня добило начало книги. Как выясняется, окончательное решение написать о Кинчеве было принято после августа 1991 — дата, за упоминание которой уже в сентябре того же года могли обвинить в дурном вкусе. А сейчас, два года спустя, и подавно.

Лучше же всего в книжке то, что не подвергалось комментариям: стихи самого Кинчева.

Александр МОНАХОВ.